

18+

АНАСТАСИЯ БАБАКОВА

ВИНИЛ

Анастасия Бабакова

Винил

«Издательские решения»

Бабакова А.

Винил / А. Бабакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690762-1

«Винил» — роман о родственных душах, медленно тлеющих на окраине провинциального города. Это выцветший полароидный снимок, на котором запечатлена юность миллениалов. События из жизни трёх подруг становятся царапинами на виниловой пластинке молодости, придавая ей особое звучание.

ISBN 978-5-00-690762-1

© Бабакова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Моя семнадцатая весна	6
Глава 2. Вега	15
Глава 3. Сатори	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Винил

Анастасия Бабакова

Фотограф Дарья Новеньких

Дизайнер обложки Дарья Новеньких

© Анастасия Бабакова, 2026

© Дарья Новеньких, фотографии, 2026

© Дарья Новеньких, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-0762-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Моя семнадцатая весна

Весна ворвалась в форточку, словно непрошенная гостья. От неё пахло гарью и скошенной травой. Майский день создан для того, чтобы крутить педали по родному бездорожью вдоль кирпичной стены Канатного завода. В детстве мы с отцом часто гуляли здесь. Исторический момент запечатлен на забавной фотокарточке: трёхлетняя я сижу на папиных плечах. Предусмотрительно держусь за его уши, чтобы не упасть. Во взгляде – спокойствие стóбика.

Расстояние, которое было необходимо преодолеть, казалось долгим и скучным. Деревья вдоль дороги изображали измученных жаждой часовых. Кирпичный забор, отделяющий проезжую часть от территории завода, был обмотан сверху колючей проволокой. Бугры на асфальте заставляли крепче держаться за руль.

Наконец показался сквер. В центре парка раньше располагался памятник – металлическая скульптура мужчины и женщины. Он держал шлем от скафандра, она, протянув руки к небу, ленту с надписью «покорителям космоса слава». Позади них – ракета. Мое детское сознание будоражила фантазия о том, кем были эти двое. «Они определенно влюбленные». Что заставило их променять космос на тихую окраину? Может быть, они устали бороздить просторы вселенной и нашли здесь долгожданный приют для своих отважных сердец? Безымянные путешественники стали для меня родными. На их застывших лицах появлялась едва различимая улыбка, стоило семейным парам прийти сюда. Но увидеть её могли лишь дети.

В 90-х памятник исчез – таинственно и безвозвратно. Я помню этот день. Мы пришли с родителями в парк, но космонавты оставили свой пьедестал. Горько, когда друзья покидают тебя, не попрощавшись. Страшно подумать, вдруг их разлучили вандалы? Маленькое земное счастье, которое обрели путешественники, было разрушено. Мысль о том, что мои влюбленные по причине чей-то глупости и невежества навсегда потеряли друг друга, заставила разрыдаться.

«Всё хорошо, они улетели в космос», – успокаивала меня мама.

Что же в этом хорошего? Зачем улетать? Почему другие взрослые не замечают, что космонавтов больше нет? Если вы спросите жителей южной окраины, чей это пьедестал в сквере Канатного завода, вам дадут совершенно разные ответы. Кто-то назовёт имя Гагарина, другой будет утверждать, мол, Рабочий и Колхозница здесь стояли, а третий не поймет, о каком пьедестале идет речь.

Рингтон мобильного отвлек меня от запутанных рассуждений.

– Вы где?

– Иди на звуки рока!

Я положила телефон в карман куртки. Рядом с юракадемией и вправду звучали знакомые мелодии. Здание, похожее больше на музей из-за портика с колоннадой, сбросило обличье *alma mater*¹, чтобы стать пристанищем для музыкантов. Мои подруги сидели на ступеньках у входа. Рядом с ними настраивал бас один из участников предстоящего действия. Лицо его было усеяно «звёздочками», отчего казалось еще моложе. Толстовка с логотипом «Converse» мешковато висела на худощавом теле парня. Я обратила внимание и на фирменные красные кеды незнакомца – мечту дворовых юнцов. Мне стало по-детски стыдно за свои старые кроссовки. Обветренный нос был неприятно влажным, в горле скребли «простудные кошки». Майский ветер растрепал разноцветные флажки – единственное украшение импровизированной сцены. Дошла очередь и до моей отросшей челки. Поправив непослушные волосы, я подняла голову и увидела свое отражение в коньячных авиаторах незнакомца. Он стоял достаточно близко, отчего сигаретный дым чувствовался неприятно удушающим. Острые черты лица делали его похожим на какую-то экзотическую рептилию. Удивительное сочетание ори-

¹ *Alma mater* (лат. «мать-кормилица») – учебное заведение.

гинальности с нарочитым клише – бледность, сигареты, джинса и клетчатая рубашка. «Солист, определенно», – пронеслось в голове.

Музыкант снял тёмные очки и посмотрел на меня. Он заметил, что я на него уставилась. «Чёрт!», – чуть было не сорвалось с моих губ. Парень улыбнулся.

Капризная погода не пощадила концертный зал под открытым небом. Дождь ливанул так, будто хотел отвесить пару затрепанных выступающим за их пошлые аккорды и мартовский плач по КиШу².

Рой фетровых юбок, кожаных косух, драных джинсов и цепей закружил вокруг площадки с колонками и микрофоном, а после залетел внутрь юракадемии. Мы зашли с подругами в числе последних. Ника обняла меня за плечи.

– Ты растрепанная, как воробушек.

– Ну спасибо!

Сквозь толпу нам удалось протиснуться к зеркалу, чтобы привести себя в порядок. В этот момент Тося что-то увлеченно обсуждала с басистом и юным Дейвом Гааном в авиаторах.

– Девочки, идите сюда, я вас познакомлю.

Мы подошли к ребятам. Я снова посмотрела на улыбающегося солиста. В его взгляде была жуткая усталость.

– Ася, Ника, это «The wanderers»³! Сыграете нам что-нибудь? – затараторила Тося.

Солист ничего не ответил, только усмехнулся. Он достал из чехла акустику, сел на парту, где, судя по всему, находилось место вахтера alma mater, и стал играть песню Нирваны «Heart-Shaped Box».

Голос музыканта звучал так, словно кто-то снова и снова проворачивал ключ в замке зажигания. Солист делал это самозабвенно. Казалось, что он играл не для себя, а повинуюсь какому-то невидимому божеству.

Я возвращалась домой в сумерках. Пахло сырым асфальтом. Промокшие джинсы неприятно прилепали к лодыжкам, а руки покраснели от холода. Педали велосипеда крутились быстрее, чем когда-либо. Воедино слились запах весенней гари, резкие касания степного ветра и прохладные капли майского дождя на обветренных губах. Весна прорастала в сердце жасмином и гитарными риффами.

На следующий день мы встретились с Тосей и Никой в школьной столовой, чтобы обсудить вчерашний несостоявшийся концерт.

– Тот, что пел – Тимур. А на басу – Игорь, рыжий который. Заметила, кстати, у нас с ним одинаковые штаны в клетку! Это точно судьба, – чуть ли не прокричала Тося.

Её громкий и картавый голос ужасно раздражал.

– А ты чего с нами не пошла? Могла бы поближе познакомиться с ребятами, – не унилась одноклассница.

Ника молча допивала компот, а я пыталась придумать, как бы отвязаться от навязчивой Таисии. Почему не пошла? Сложно придумать более неуместного и глупого вопроса! Я выглядела слишком невзрачно для их компании. Тем более для Тимура.

После уроков домой меня провожала только Ника. В последнее время мы избегали Тосю.

– С тобой всё нормально? – поинтересовалась Николь.

– Да.

– Ты какая-то неразговорчивая сегодня. За что на Тоську дуешься?

Догадливость лучшей подруги вызвала на моем лице улыбку, которую я попыталась скрыть.

² КиШ («Король и Шут») – панк-группа из Санкт-Петербурга.

³ Wanderers – (с англ.) странники.

– Только не говори, что тебе тоже понравился рыжий басист. Она же тебя убьет. Я больше не выдержу историй про судьбоносные штаны из «Sin».

– А рыданий по ним?

– Тем более!

Ника остановилась за ларьком «Союзпечать» и достала пачку M&M's.

– Будешь?

– Не люблю сладкое. А у тебя скоро зависимость от них начнется.

– Осуждаешь людей за их guilty pleasure⁴? Значит с Тимуром точно не поладишь. Он, кажется, амбассадор красного Мальборо, – с явным намеком произнесла Ника.

– Сколько ему лет?

– 20.

Ника что-то набрала в телефоне и повернула экран к моему лицу.

– Это его страничка Вконтакте. Напиши ему.

– Могла бы и ссылку отправить.

– Обрати внимание на ник. Hermit Rider⁵

– Тимур звучит лучше.

– Ась, не душни!

Наш путь лежал через квартал трехэтажных домов 50-го года. Местные разбили здесь несколько маленьких цветников: петунья, гербера, сирень, а летом – клематис и розы. Мне нравился этот маршрут. Запах весенних цветов приятно кружил голову.

Перешагнув порог дома, я поспешила освободиться от тяжести рюкзака и навязчивых мыслей о солисте.

– Ася, идешь обедать?

– Да, сейчас. Спасибо!

Не подвести семью, прилежно учиться и поступить в университет – единственное, о чем следовало бы думать. С четырнадцати лет моей страстью была журналистика. Я хотела стать интервьюером в модном журнале. Мои гости – деятели искусства: писатели, художники, актеры... и музыканты.

«Hermit Rider принял вашу заявку в друзья», – новое уведомление вернуло меня в реальность. Что бы ему написать?

Ася Черникова: увлекаешься таро?

Hermit Rider: нет. я музыкант.

Ася Черникова: знаю :) мы виделись вчера на твоём сольнике. Hermit Rider похоже на отсылку к картам Райдера Уэйта.

Hermit Rider: слова эксперта, я полагаю?) это просто ник в игре. не фанат эзотерики.

Ася Черникова: разве не идеальная легенда для рок-музыканта? +10 к загадочности. украдешь всех фанаток Type-o-Negative

Hermit Rider: ахаха. мне больше нравится Kasabian, Queens of the Stone Age или Seether стараемся с ребятами играть что-то в этом духе. приходи послушать в «Хэндрикс», 4 мая в 21.

Я нажала на кнопку блокировки экрана. Моё сердце прикинулось Джои Джордисоном и, казалось, не перестанет стучать, пока не сломает барабанные палочки о грудную клетку. Бар «Хэндрикс» находился на другом конце города, поэтому поездка выглядела тем ещё приключением.

⁴ Guilty pleasure (с англ.) – постыдное удовольствие.

⁵ Hermit Rider (с англ.) – отшельник всадник.

В день концерта я сказала родителям, что иду к Нике с ночевкой. Подруга не только подтвердила алиби, но и одолжила подходящий прикид: заветные синие конверсы и клетчатую рубашку.

– У тебя свидание с провинциальным Кобейном! Будет, что вспомнить, когда станешь скучным шеф-редактором в Северной столице.

– Это не свидание!

Ника засмеялась. Её страшно веселила мысль о том, насколько всё происходящее несерьезно в наш последний год здесь. Мы собирались уехать в Санкт-Петербург после окончания школы. Университет был для нас долгожданным глотком свободы, маленьким шагом на пути к большой мечте. Ника – художник. Она всегда в шутку говорила: «Возглавь „Собаку“ и возьми у меня интервью! Я буду штамповать осмысленную мазню и втюхивать ее за баснословные бабки. Свои настоящие картины выставлю под псевдонимом в андерграундном баре. Об этом будешь знать только ты».

Я посмотрела на подругу. Её каштановые кудри выбивались из аккуратного хвостика, собранного мягкой резинкой. Когда она улыбалась, курносый нос, усыпанный веснушками, забавно морщился, а на щеках появлялись ямочки. Мне стало грустно оттого, что Ника не поедет со мной – ей нужно было готовиться к экзаменам в художественной школе.

Мы обнялись на прощание, прежде чем я поднялась в вагон. Занять место у окна было просто – мало кто ехал в центр в это время. На соседнем ряду сидела женщина с большим букетом сирени. Аромат цветов и стук колес наполняли грудь приятным волнением.

Из окна электрички город был совсем другим. Мой район – южное гетто, смотреть здесь особо не на что: пятиэтажки и гаражи с граффити. Купить билет в кассе РЖД стоило разве что из-за переезда через канал по железнодорожному мосту. Волшебный пейзаж на фоне урбанистического фолла. Солнечные блики рассыпаны на волнах, словно бриллиантовая крошка. Дальше бесконечная степь и камыш. Вдалеке – маленькие домики на холмах. Водонапорные башни девятнадцатого века. А еще – заброшенные здания с черной плиткой на фасаде и окнами из стеклблоков. Волга. Я выбиралась в центр только на школьные экскурсии. С первой поездки протяженность маршрута стала четко ассоциироваться с позвоночником древнего гигантского существа. Буду ли я скучать по этим пейзажам?

Спустя час привокзальная площадь встретила меня оживленной толпой. Бар был на другой стороне улицы. Пройдя через арку, я увидела знаменитый «Хэндрикс». На веранде курили люди. Входная дверь поддалась не сразу.

Лестница внутри помещения вела в темноту. Я спустилась вниз и, открыв ещё одну потаенную дверцу, увидела сцену. Репетиция шла в полном разгаре. Бар наполнялся звучанием гитар. Пахло алкоголем и сыростью.

Стены из красного кирпича и потолок, обклеенный афишами групп, – первое, что бросалось в глаза.

Тимур стоял вместе с другими музыкантами. Увидев меня, он улыбнулся и кивнул. Выступление должно было начаться совсем скоро.

Я села за дальний столик. Когда оказываешься в месте, насквозь пропитанном атмосферой бунтарства, чувствуешь себя, как минимум, нелепо.

Ладони неприятно потели. Цоканье стеклянных бокалов за барной стойкой и голоса незнакомцев слились в один сплошной белый шум. Но вот барабанщик начинает отсчет, а после музыка вырывается наружу, словно пробка из бутылки шампанского. Тимур пел на английском. Я прислушалась к словам, чтобы понять их смысл. Поток оказался сильнее, и мой разум сдался музыке. Не нужно понимать – чувствуй. Голос Тимура звучал словно манифест дикой юности. Каждое слово, значение которого я не могла понять здесь и сейчас, было наполнено решимостью, страстью, отчаянной жадой жизни.

Толпа превратилась в необузданный вопль. Опьяненные и замороженные, они почуяли то, что заставило их выпустить на волю свой восторженный гнев. Начался слэм: люди толкали друг друга, размахивали руками и качались в такт. Буйство оголенного нерва зрителей было отражением ритуальной игры музыкантов.

Аплодисменты вернули меня в реальность. Люди стали расходиться: кто-то хотел смочить свои сорванные связки кружкой пенного, другие – перекурить. Я вышла из бара. Тимур стоял поодаль от компании. Поравнявшись с ним, мне стоило поздороваться, но слова будто застряли в горле. В тусклом свете фонаря лицо музыканта выглядело одухотворённым и задумчивым. Тимур уже поднес сигарету к губам, чтобы сделать затяжку, но остановился.

– Как тебе шоу? – спросил солист, продолжая смотреть в темноту.

– Было громко, – вполголоса ответила я.

– Лучшая рецензия на «The wanderers», – усмехнулся солист.

Тимур затянулся и продолжил.

– Знаешь, если так подумать, тихую музыку делать выгодно. Такую, которая играет между новостями и прогнозом погоды. Ты слушаешь ее утром, собираясь на работу, потом минут тридцать в маршрутке, добираясь до офиса. Она играет на звонке у твоих коллег, в супермаркете, где ты покупаешь пиво, возвращаясь с той самой работы, орет из сабвуферов проезжающей тачки. А вечером, когда ты уже приземлился в постель и хочешь спать, эта тихая музыка насилует твой слух, потому что соседи за стенкой включают её ремикс. В конце концов, это всё, – он еще раз затянулся и обвел сигаретой невидимый круг, – я имею ввиду тихую музыку – помехи в телеэфире. Это не мой путь. Надо делать громко. Понимаешь, это же искусство, черт возьми, а не белый шум между жизнью, сном и работой. *Life imitates art*⁶. *But music is your art of living*⁷.

– Уайльд с тобой согласен.

– Конечно, ведь громкая музыка создает легенды, сквозь которые можно разглядеть проблеск истины.

Все эти философские высказывания были настолько некстати, что я засмеялась.

– Ты больше похож на учителя литературы, чем на рок-музыканта.

Тимур посмотрел на меня. В нашу первую встречу его глаза хладнокровной рептилии показались мне равнодушными. Но сейчас это был иной взгляд, по-детски добрый, задающий немой вопрос: «Ты мой друг? Ты меня понимаешь?». В эту секунду нет возможности спрятать правду, потому что срабатывает «нунчи». Корейское емкое словечко для обозначения того самого мгновения, когда ты... Нет, не влюбляешься, а интуитивно понимаешь незнакомца. Так, наверное, малыш в песочнице, не произнося ни слова, протягивает лопатку карапузу напротив, чтобы вместе мастерить куличики и строить замки. Дружба начинается не с диалогов, которые все испортят в конце. Особенный взгляд. Нунчи. Наверное, это было и в моих глазах.

– Я хочу писать громкие тексты.

– Ты хочешь стать писателем?

– Журналистом.

– Ну нет. Журналистика – это шорох. Твои собственные истории гораздо громче.

– Не знаю, есть ли в моей жизни что-то, о чем стоит написать.

– А о чем бы ты хотела рассказать?

Я задумалась.

– Дача, где провела детство. Сейчас дом хотят продать, а я так и не успела с ним попрощаться.

⁶ *Life imitates art* (с англ.) – «Жизнь подражает искусству», – цитата О. Уайльда.

⁷ *But music is your art of living* (с англ.) – но музыка – это твое искусство жить.

– Ну так поехали сейчас.

В его глазах заблестели искры авантюризма, будто бы это отличная идея.

Мы вышли на трассу, чтобы поймать машину. Тимур раньше путешествовал автостопом. Дорога заняла несколько часов. Нам действительно повезло: водитель оказался добрым малым. Рассматривая лицо солиста в бликах уличных фонарей, я задумалась, правильно ли поступаю? Вопреки здравому смыслу мне было спокойно в компании нового друга.

Нас высадили на остановке. В свете фар мозаичная плитка сооружения выглядела иначе. Ее ностальгический холод завораживал, обещая незабываемое приключение.

Мы шли вдоль трассы несколько минут. Шелест камыша доносился с другой стороны обочины. Пахло сыростью. Ворота, за которыми начиналась улица СНТ, были закрыты на замок.

– Надо перелезть, – сказал солист.

– Может... вернемся?

– Чего ты боишься?

– Соседей, бездомных собак... темноты немного.

– В мае никто не остается ночевать, так что садоводов мы не разбудим. А от собак я тебя смогу защитить. Давай.

Тимур обхватил меня за талию и поднял вверх. Это было настолько неожиданно, что я вцепилась в его плечи и чуть было не вскрикнула.

– Держись за верхнюю решетку. Ставь сюда ногу. Отлично. Прыгай!

Приятно ощутить землю под ногами. Кажется, я окончательно испачкала Никины кеды. Тимур перелез следом.

– Ты как?

Парень обнял меня за плечи.

– Хорошо. Спасибо!

– Ну тогда идем.

Он взял мою руку и повел за собой в темноту. Вокруг нас были спящие домики, чей покой смиренно охраняли маленькие покосившиеся заборчики и живые ограды из клематиса, жасмина, сирени и еще не распустившихся хмеля и кампсиса. Цветущий аромат смешивался с запахом Волги. Стрекотание сверчков повторяло трепет сердца. Я увидела свою дачу.

– Это здесь.

Тимур снял цепочку и осторожно толкнул калитку вперед. Двухэтажный дом встретил нас молчанием. Дорожка, выложенная синей плиткой, вела в сад. Слева росла вишня и кустовые розы. Рядом с ними – тигровые, желтые и белые лилии. А дальше начинались ряды кишмиша.

Справа дикий виноград оплетал ограду, скрывая окна дачи от любопытных глаз. Помню, как было приятно просыпаться от солнечных лучей, что пробивались сквозь зеленые крупные листья. Чуть ближе к забору рос жасмин. Там же, под виноградной лозой, был ландыш. В его листьях лежал ситцевый мешочек. Я решила убедиться в правильности своей догадки и уже через минуту держала заветный ключ. Мы вошли в дом.

Здесь все было так же, как и прошлым летом. Деревянные стены, отмеченные черными «родимыми пятнами», будто облегченно вздохнули, увидев на пороге гостей. Первыми нас встретил взгляд незнакомки с картины. Молчаливая хранительница потухшего очага в рыжих одеяниях держала в руках корзину винограда и персиков. Натюрморт кисти Хруцкого.

Полы приветственно заскрипели, стоило нам сделать пару шагов. Маленькая кухонька слева. Чуть дальше – спальня. В этой комнате висела другая картина – «Отдых на пути в Египет» или «Мадонна с куропатками» Антониса ван Дейка.

– Есть свечи?

– Да, на кухне.

Я направилась к столику и открыла верхний ящик. Среди пластиковых крышечек, ржавых вилок и советских монеток было три толстых огарка. Взяв их, я подошла к Тимуру.

– Вот. Только спичек нет.

– А зачем тогда зажигалка?

– Да, точно.

Мне стало неловко от собственной глупости. Но Тимур сказал это без усмешки, констатируя факт.

– Нужно еще блюдце какое-нибудь. А то мы всё здесь спалим.

Я снова вернулась на кухню, мысленно коря себя за невнимательность. Над раковиной висела полочка, заставленная чашками и тарелками. Среди них нашлась особенная, расписанную под хохлому. В пальцах появилась легкая дрожь. Ощущение, будто ты нашел сокровище из детства, надежно спрятанное в последний день августа. Возвращение в это место всегда сулило счастливое лето. Но сейчас май. И мы здесь для того, чтобы попрощаться.

Тимур зажег свечи.

– Так гораздо уютнее, да?

Мы поставили наши три огонька на стол в гостиной. В углу висели большие часы с маятником.

– Смотри, – Тимур показал на них, – ходят!

Он сверился с телефоном.

– Время точное. Знаешь, что это значит?

– Что же?

– Дом ждет твоих историй!

Он прикоснулся к моей руке и, осторожно сжав пальцы, притянул к себе. Мы сели напротив маленького очага. Три пламени сливались друг с другом. Вальсируя, они на мгновение становились одним целым.

– Это детские воспоминания. Тебе правда будет интересно?

– Мне и дому, – поправил Тимур, – мне и дому будет интересно услышать эту историю. Сегодня ты с ним прощаешься. Поэтому скажи то, что важно.

Нас обняла тишина. Мне не хватало решимости начать свой рассказ.

– Я помню, как дедушка учил меня играть в карты. Он никогда не поддавался. У меня со временем начало получаться, даже очень хорошо. Мы собирались всей семьей и играли по вечерам. За этим столом всегда что-то происходило. Папа с дядей ловили раков в канале, а, после, мы с бабушкой, мамой и сестрой варили их в большой алюминиевой кастрюле. Пахло укропом. В августе мы ели арбуз. Еще мы перебирали здесь смородину. Расстилали газеты и высыпали черные ягоды. Убирали листья и жучков. А еще мы играли в шашки. В этом был азарт: кто быстрее выйдет в дамки.

Я замолчала.

– Почему ты остановилась?

– Странно все это рассказывать тебе сейчас. Такое детство было у всех.

– У меня не было.

– Дачи?

– Семьи. То есть, она была, но... Мать и отец развелись. Знаешь, не каждый может рассказать столько историй, пережитых за одним столом. Я не люблю такие столы, потому что их длина пропорциональна молчанию тех, кто за ними сидит. Поэтому, продолжай. Расскажи мне о столе, за которым не молчат.

– На нем раньше всегда стояла ваза. Черная, с белыми ромашками. Когда мы убирались в доме, то всегда ставили в неё гладиолусы. Белые и розовые.

– А ромашки?

– Нет, только гладиолусы.

– У них были особенные права на вазу с ромашками?

Я невольно начала улыбаться.

– Ты смеешься надо мной, да?

– Нет, что ты! Пытаюсь понять, как же гладиолусы захватили место ромашек.

– У нас никогда не росли ромашки.

– Даже так!

– А чем тебе не нравятся гладиолусы?

– Никогда об этом не задумывался. Нравятся, наверное. Хотя нет, ромашки лучше, – улыбаясь сказал Тимур.

Я засмеялась.

– Все! Больше никаких историй.

– А мне понравилось. Большой стол, за которым собирается вся семья. Живые цветы на этом столе. Это то, о чем бы ты могла написать. Большинство красивых вещей в литературе или музыке – это боль. Никто не пишет о счастье. У нас есть понятие «маленький человек». А человек счастливый? Стань одной из тех, кто наконец-то о нем расскажет, чтобы знать такого человека в лицо. Руку пожать ему при встрече, а может быть и обнять. Все хотят быть попанданцами. Будто падать и попадать в мир, где ты свой среди чужих – это высшая степень гедонистического удовольствия. А быть чужим среди своих – повод для гордости. Кто-то мнит себя нигилистом, путая Базарова с Печориным, но пафосно цитируя Тайлера Дердена. Рехнуться можно, Паланик – основоположник нигилизма, прикинь? Особо скошенные – мнят себя анархистами. А я хочу быть человеком счастливым. Твоя история поможет мне в этом больше, чем очередная метамодернистская ересь. Ты не замерзла?

– Нет... не знаю, немного может.

Тимур снял свою кожаную куртку и накинул мне на плечи.

– Спасибо. Знаешь, я ни с кем этим не делилась. Ты сказал о человеке счастливом, и я вспомнила кое-что... Ой, телефон.

Я потянулась к дребезжавшему на столе самсунгу. Ника завалила всю личку сообщениями. Отключив звук, я положила мобильник обратно.

– Что это у тебя на запястье? – голос Тимура стал серьезным.

Мне никогда еще не было так стыдно. Он заметил. Я подняла рукав рубашки. В пламени свечей виднелись горизонтальные царапины.

– Это струны от гитары, – я попыталась отмазаться и ляпнула первое, что пришло в голову, – у меня дома есть акустика. Металлические концы на колках. Я об них. Случайно! Ничего особенного не произошло. Они неглубокие, – усмехнувшись сказала я.

– Это не так. Глубже, чем видят остальные. Я тебя понимаю.

Тимур поднял рукав своей рубашки. На запястье левой руки был большой вертикальный шрам.

– Два года назад. Из-за девушки. Сейчас я все помню, но ничего не чувствую. Мне казалось раньше, что это единственный адекватный выход из ситуации, которая не имеет решения. Когда шрам зажил, думал сделать татуировку. Набить полоски на нем, как на линии отреза, а рядом надпись: «In case of emergency – cut»⁸. Но потом я понял, что слишком люблю свое дело. Музыка стоит того, чтобы жить. Пообещай, что больше не будешь так? И я пообещаю.

Я посмотрела на солиста с восхищением. Он принял мое откровение без малейшей тени осуждения.

– Обещаю.

– С этого момента мы в клубе жизнелюбов. Но не в том, где обнимаются с деревьями. Знаешь, нам подойдет что-нибудь попроще.

⁸ In case of emergency – cut (с англ.) – в случае крайней необходимости – режь.

– Что ты имеешь против публичного выражения любви к растениям?

– Это слишком жизнелюбиво для новичков. Не забывай, что мы только вступили на этот путь.

Тимур вдруг пристально стал что-то разглядывать в темноте.

– Это что там, под часами? У тебя здесь есть и гитара!

– А, да... Но она старая и расстроенная.

– Давай ее сюда, грустную старушку.

Тимур взял инструмент в руки.

– Хорошее дерево. Не рассохлось даже. Да и струны на месте. Я тебе сыграю одну песню Placebo. Ты мне напомнила о ней. «Sleeping with ghosts». Есть такое слово в английском языке – soulmate. В переводе – родственная душа. Ты – моя soulmate.

Музыкант начал играть соло, как вдруг нижняя струна лопнула. Но он продолжил, перейдя на ритм. Я слушала его, внимая словам, которые в этот раз звучали только для меня. Завороженная гипнотическим голосом. Парализованная новым чувством. Это была единственная песня, которую спел солист. Потом мы разговаривали о всякой ерунде, пока его руки подбирали разные мелодии. В какой-то момент я положила свою голову ему на плечо. Тимур продолжал импровизировать на гитаре. Я не помню, как провалилась в сон.

Солнечные лучи пробивались сквозь виноградные листья в комнату. Я проснулась в объятиях Тима.

– Тим...

– Я не сплю, не, – сонно сказал он, – Уже утро, да?

– Да.

– Ты попрощалась с домом?

– Кажется, это произошло.

– Хорошо. Значит, можем ехать.

– Хотя, стой, есть одна вещь. Хочу последний раз посмотреть на канал с балкона.

– Пойдем.

В гараже стоял знакомый запах солярки. Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь было две комнаты. Маленькая – в морском стиле. Ее дверь украшали рисунки экзотических рыбок. В большой было два балкона. Один выходил на улицу, а с другого открывался тот самый вид, который не был запечатлен на пленку, но глаза успели прорисовать его в моем сердце.

Мы вышли на балкон. Перед нами открылся канал с противоположным берегом, который утонул в зелени. Солнце светило так ярко, что я зажмурилась. Его лучи рассыпались по воде янтарными бусинами. Тимур достал сигареты.

– Ты не против?

– Нет.

Он закурил. А потом приобнял меня. Я поддалась этому жесту и прильнула к нему. Майский ветер смешивал цветочную симфонию и запах Мальборо, унося прочь горькое послевкусие утра.

Глава 2. Вега

Hermit Rider: ты была на птичке?

Мой выбор между вариантом «А» – ямб и «В» – хорей был прерван вибрацией телефона от нового уведомления.

Ася Черникова: нет. что это?

Hermit Rider: птичий рынок. мне нужно найти иглу для винилового проигрывателя. составишь компанию?

Ася Черникова: да. где встретимся?

Hermit Rider: на комсомольской завтра в 8:30. они работают с 9, а нам еще надо доехать до красного района

Ася Черникова: хорошо

– Нет, ты куда не поедешь, – сердито прервала мою идиллию Ника.

Мы стояли за ларьком «Союзпечать». Идеальное место, чтобы поделиться историей о прошлом концерте, прощании с домом и неожиданным приглашении.

– Но я хочу снова его увидеть! Ты сама говорила, что нужно жить в моменте.

– I said «share», not «scare»⁹! Ты видишь разницу между «провести время на концерте и вернуться домой к 23» и «доехать до дачного поселка в первом часу ночи с незнакомым музыкантом»? О чем ты думала? Ася, блин, просыпайся!

– Ник, все спонтанно получилось. Не ругайся.

– Спонтанно? Чтобы совершить действие, нужна мысль, намерение и сила, мать его, трения. Не рассказывай мне о спонтанности. Ты хоть что-то знаешь об этом парне? Нет! Он мог сделать с тобой что угодно.

– Ника!

– Что? Думай, прежде чем пуститься во все тяжкие.

Я промолчала.

– Ты слишком экстремально ведешь себя для душницы! Я не хочу, чтобы ты влипла в неприятную историю.

– Ты знаешь, что я тебя люблю?

– Догадываюсь. Скажи, сколько у тебя баллов на пробнике по литре?

– 86.

– Неплохо. Нужно добить до 94.

– И это я еще душнила?!

– Первым делом – поступление. И, кстати, твоя «птичка» под вопросом, пока я не буду знать абсолютно все об этом «отшельнике на байке».

Ника закинула свою руку мне на плечо и, обняв, слегка встряхнула. Мы пошли в школу.

После третьего урока, как это обычно бывает, нас ждал обед. Тося присоединилась уже в столовой. Ее готическую бледность особенно подчеркивали smoky eyes. Клетчатые штаны из «Sin» теперь дополняла черная футболка и ошейник с шипами. Но мы обомлели от другого. Свои кудри цвета льна подруга выпрямила и покрасила в черный.

– Are you insane¹⁰?! – возмутилась Ника.

⁹ I said «share», not «scare» (с англ.) – «Я сказал поделиться, а не напугать», – отсылка к цитате Росса Геллера из сериала «Друзья».

¹⁰ Are you insane?! (с англ.) – ты с ума сошла?!

– Не выпендривайся, мы все поняли, что ты from the capital of Great Britain¹¹, – парировала Тося.

Она села напротив нас с пустым подносом, на котором было только подобие кофейного напитка с молоком в граненом стакане.

– Это весь твой обед? Растворимая пыль «3 в 1» и пенка?

– Завали ты уже.

– Я-то завалила макаронки с котлеткой, а ты, кажется, не ела вечность.

Тося промолчала. Между подругами нарастало напряжение.

В нашей компании у каждой была своя фишка. Ника – «старшая сестра», которая старалась всё контролировать и не дать нам «влипнуть» в историю. Тося же всегда эти истории находила, следуя трендам. С горем пополам мы пережили стадию готов и эмо, но столкнулись с новой, пока неизвестной и, видимо, роковой. Каждый раз это начиналось с огненного интереса со стороны Тоси, безудержного сарказма Ники и моего молчаливого наблюдения. Когда ситуация доходила до пика, я доставала «психологический огнетушитель» и мы возвращались к заводским настройкам. В этот раз мне не хотелось вмешиваться. Тося раздражала своим желанием постоянного внимания. Это спорное качество однажды свело нас всех вместе. Она имела удивительное свойство – объединять людей. С одной стороны, я была ей благодарна. А с другой – ее было слишком много.

– Как погуляли с Тимуром? Мне Игорь рассказал. Не хочешь поделиться с лучшей подругой? – язвительно спросила Тося.

– Не хочу, – вырвалось у меня.

– Как знаешь. Его девушка будет не в восторге от вашей «дружбы».

Последние слова больно кольнули. В теле появилась дрожь.

– Тось, с тобой все нормально? – вмешалась Ника.

– Со мной – да. А с вами двумя что? Вы какие-то раздраженные. Бойтесь, что с Питером обломаетесь после экзаменов?

– Завидуешь, что тебя с собой не возьмем?

– Не-а. Мне вполне хватает общения с новыми друзьями.

– Прекратите обе! – не выдержала я.

Мое тело повиновалось внезапному порыву. Ничего не объясняя, я вскочила с места и быстрыми шагами направилась к выходу. С меня было довольно. Дружба с Тосей стала невыносимой. Однажды она сказала, что я не умею общаться с мальчиками, а потому мне стоит помалкивать в компаниях. Парни всегда для неё на первом месте. Желание им понравиться, выделиться на фоне подруг. Тося знает, что сказать. Это у меня всегда начиналось полное оцепенение. Тимур первый, с кем я могла свободно общаться, кому действительно были интересны мои мысли. Да что там! Мы пережили целое приключение. Я познакомила его с домом.

«Soulmate», – произнес голос солиста в моей голове. Забежав в кабинку женского туалета, я прижалась к стене. По щекам невольно потекли соленые на вкус слезы.

У Тимура есть девушка. Я уезжаю в Питер. Какой был смысл в нашей встрече? Почему я сейчас плачу? Ника права, мне надо проснуться. Я ничего толком не знаю о солисте, как и он обо мне. Мы всего лишь незнакомцы, которые стали чуть ближе на один вечер. Моя цель – уехать вместе с Никой. Это всегда было нашим желанием – наслаждаться молодостью и свободой, как в клипе «Aerosmith – Crazy». Я не хочу предавать свои мечты ради чувств к музыканту.

В мою кабинку постучали.

– Ася, ты там? – голос Ники дрожал от волнения.

Я молча открыла дверцу. Подруга обняла меня. У стены напротив, скрестив руки, стояла Тося. Отпустив Нику, я подошла к ней.

¹¹ From the capital of Great Britain (с англ.) – из столицы Великобритании.

– Тебе идет новый имидж. Это непривычно, но красиво!

– Спасибо, – настороженно ответила Тося.

– Питер ничего не изменит. Ты сможешь приезжать к нам, – сказала Ника.

– Хватит! В последний раз спрошу прямо: что происходит? Если дело не в Питере, то в чем? – не выдержав, воскликнула Тося.

– Да в том, что в понедельник с нами таскалась Аврил Лавинь, во вторник – Вилле Вало, вчера наконец-то Таисия, а сегодня – гребаный Мэнсон, скрещенный с Кобейном. Кто ты, человек? – Ника несколько раз щелкнула пальцами перед лицом Тоси.

Отмахнувшись от неё, Таисия ухмыльнулась.

– Чопорная британка. Ясно. А с тобой что, скромница?

– Тось, не обижайся, но иногда мне кажется, что парни тебе важнее дружбы. Ты каждый раз меняешь внешность, чтобы им понравиться. Мы с Никой будто массовка в твоём фильме.

– «Будто я массовка в твоём фильме». Не вмешивай британку, она уже высказалась. Говори за себя. Это все из-за Тимура, да?

– Да при чем здесь он. Хорошо. Я устала быть массовкой в твоём фильме.

– Так не будь.

Тося усмехнулась. Ника неодобрительно посмотрела на неё.

– Не будь, – продолжала подруга, – Тебя никто не заставляет. Ты сама себе выдумала эту роль. Сделала меня центром «фильма». Теперь, когда по сюжету появляется «тот самый», тихоня злится, что он достанется главной героине, да? И кто из нас больше заиклен на парнях, Ася? Узнала о девушке Тимура и побежала плакать в туалет. Забавно обвинять меня в этом, только потому что в твоём воображении я всем нравлюсь. Где здесь логика? Допустим, она есть. Соперничество типа, ага. А что будет, когда вы с Никой переедете в Питер? Не думала, что она может превзойти тебя в учебе и карьере? Тоже обвинишь ее в своих неудачах? Может, я и правда слишком часто меняюсь, делаю ошибки, но хотя бы не перекладываю ни на одну из вас ответственность за свои поступки. И знаешь что? Я и вправду главная героиня своей жизни. Все люди так живут, Ася. В том, что у тебя паршивый и чертовски скучный сценарий, виновата только ты. Так может, стоит взяться за работу, вместо того чтобы срываться на массовку?

Слова Тоси снова неприятно кольнули. Она права. Мне нечего было ей ответить. Я действительно расстроилась из-за того, что мои чувства к Тимуру безответны. Больше всего было осознать собственную зависть к подруге. Это отвратительное чувство. Особенно к близкому человеку. Поэтому сейчас меня волновал вовсе не любовный интерес, а то, что наша дружба изменилась.

Помню знакомство с Тосей. У неё была забавная короткая стрижка и выкрашенные малиновой «Тоникой» кудри. Мы встретились на заднем дворе школы, когда у классов была смешанная физ-ра. Она кидала баскетбольный мяч на заросшем полянью стадионе, пока ее одноклассники сдавали нормативы. Я же сидела на полуразрушенных ступеньках черного входа, наблюдая за происходящим.

С пятого класса из-за болезни у меня было освобождение от любых физических нагрузок. Однажды ночью ногу свело судорогой. Я помню, что закричала от сильной пронзающей боли, а потом – темнота. Мама держала меня за руку и звала: «Василиса, вернись! Дайте ложку, чтобы язык не запал». Всё происходящее казалось сном. Я ощущала себя маленьким левитирующим комочком света. Кажется, даже видела себя и других со стороны. Вот отец звонит в скорую в коридоре, бабушка несет ложку, а мама продолжает держать меня за руку.

Пробуждение было похоже на долгожданный глоток воздуха. Я пыталась что-то сказать, но моя речь была сбитой, голос заторможенным. Врач диагностировал эпилептический приступ. В газели скорой помощи все повторяли только одну фразу: «Все будет хорошо». Помню, как женщина в приемном покое сказала: «Она таблеток наглоталась, очевидно же». Но это была неправда. Я слишком сильно любила жизнь в этот момент. С тех пор мне было страшно засы-

пать – вдруг этот кошмар повторится. Три года я пила лекарства от судорожных спазмов. Всё это время чувствовала себя под стеклянным колпаком. Будто бы моя жизнь никогда не станет нормальной.

Разговоры неврологов только сбивали с толку. Никто не мог поставить диагноз, поэтому в карточке писали: «Вегетососудистая дистония». Одноклассники не знали почему меня освободили от физры. Все думали, что это блат, потому что моя мама работала в школе. Лишний повод, чтобы начать надо мной подшучивать.

Я сидела одна на ступеньках, как вдруг ко мне прикатился баскетбольный мяч.

– А ты чего не играешь? Меня Тося зовут. Пошли, составишь компанию.

– Меня Ася. Прости, но...

Договорить фразу я не успела, потому что новая знакомая схватила меня за руку и потянула за собой на площадку. Мы кидали мяч до конца урока. За это время я успела узнать, что у Тоси дома живет три кошки, она любит играть на гитаре и смотреть аниме, а еще хочет поступать в физикакадемию.

– Ты читаешь «Классный журнал»? Я несколько раз туда посылала рисунки, меня даже напечатали однажды. Еще там есть обзоры на аниме. Диски раньше покупала на рынке, а сейчас в «PLAY». Его недавно открыли. Слушай, там такие большие стеллажи, все по жанрам. Давай сходим сегодня, а?

– Давай.

– Сейчас на велике поедem.

– А он выдержит нас двоих?

Тося рассмеялась.

– Запрыгивай, пампушка.

Было страшно ехать на багажнике велосипеда. Тося ловко объезжала ямы на асфальте. Временами нас трясло. Не было никаких гарантий, что мы прямо сейчас не грохнемся посреди проезжей части.

– Ну вот, её опять затроило. Василиса, ау! – Тося несколько раз щелкнула пальцами у меня перед носом.

Подруга говорила, что я часто «зависаю» в своих мыслях. Это была правда. Может быть, побочка от лекарств? Какая же я неуклюжая. Растерянная. Чем больше обдумывала ответ, тем дальше улетали мои мысли. Оставалось только выпалить всё как есть. Это было лучше, чем затянувшаяся пауза.

– Ты права. Во всем права. У меня скучный сценарий. Мне нравится Тимур. Я не знала, что у него есть девушка. Но это сейчас не главное. Я не хочу, чтобы мы ссорились. Вы мои единственные друзья.

Кажется, эти предложения были бесконечными, но вырвались на одном дыхании. Сердце застучало сильно-сильно. Я посмотрела на Тосю. У неё было удивленное лицо, но, поймав мой взгляд, она улыбнулась.

– Первый шаг ты сделала, скромница. А с британкой мы всегда так прикалываемся, не парься. Мир достигнут, можем собираться на сходку.

– Куда? – презрительно спросила Ника. Было видно, что ей эта идея не нравится от слова совсем.

– Сначала ко мне. А потом на пляж. Игорь всех отвезет. Правда, это в часе езды отсюда, за городом. В восемь собираемся. Кстати, Ась, возьми свою акустику.

– У тебя?! Почему ты нам не сказала, что устраиваешь вечеринку?

– Потому что между нами был маленький разлад. Да и к тому же это хороший повод рассказать нашей скромнице про девушку ее возлюбленного. Может, хоть какой-то дух бунтарства пробудится.

Ника со всей присущей ей строгостью уставилась на меня. А я смотрела на Тосю, как на Харона. Отвези же меня к моему возлюбленному Аиду! Какое клише! Абсолютно идиотское. Разве девушка Тимура сравнивает его с древнегреческим божеством? С другой стороны, так уж ли плохо идиотничать в семнадцать лет?

– Ася хочет поехать к Тимуру. Ты же видишь, – съехидничала Тося.

– Вижу, – недовольно сказала Ника.

– Девочки, мы ведь только что помирились.

– А что, кто-то ссорится? Ты ведь хочешь стать главной героиней своей жизни. Написать чертовски крутой сценарий. Дерзай. Я тоже пойду. Прослежу за тем, чтобы вы обе не натворили глупостей, о которых будете сожалеть.

Ника нахмурилась. Она хотела сегодня сделать пару-тройку вариантов ЕГЭ по литературе. Но Тося ворвалась в наши планы. Впервые я поддержала кого-то, кроме Николь. Еще вчера мы смеялись над нашей общей подругой, а сегодня собирались к ней на вечеринку.

Тося жила на третьем этаже старой пятиэтажки. Она всегда с усилием открывала входную металлическую дверь. Мы и раньше бывали в этой двухкомнатной квартире, но еще никогда не приходили сюда на тусовку. Мама Тоси работала в ночную смену, так что вечером девушка принадлежала сама себе. Абсолютная свобода и никакой ответственности.

– Ась, садись сюда, – повелительно сказала хозяйка вечера.

– Размалюешь ее, как себя, – засмеялась Ника.

– Накрашу, Николь. Накрашу, – заулыбалась Тося.

– Ну, если немного, – вздохнув, согласилась я.

– Ника, достань сигареты из тумбочки. Это мамыны. Будем учить тебя курить.

– Держи, – с вызовом сказала Ника, кинув мне пачку ментоловых сигарет. Не нужно читать мысли, чтобы догадаться, насколько неприятно ей была эта затея.

– Зачем это. Я не курю.

– Ась, ты дура? Тимур будет со своей девушкой общаться на перекурах больше, чем с тобой. Ты же из-за него сюда пришла. Тебе надо влиться в компанию.

Не знаю, какое именно чувство меня переполняло. Злость от того, что Тося продолжает говорить со мной, как с ребенком. Раздражение из-за недовольной Ники, которая всем своим видом демонстрирует неприязнь. Или, может быть, досада от скорого появления новой девушки Тимура. Я достала одну тонкую сигарету из пачки. Тося протянула мне зажигалку. Первая затяжка. В ту же секунду горло сдавил кашель. Гадость.

– Прикинь, она бы так при Тимуре лоханулась, – засмеялась Таисия.

– О да, Ася, представляешь, как было бы неловко, что ты не тривишь себя сигаретами ради «самого крутого парня на районе» а.к.а. куртки Бейна? – саркастически отозвалась Ника.

– Но ты ведь себя тривишь всей этой сладкой дрянью. Каждый день, – я впервые ответила ей дерзко.

Ника с удивлением посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Ребята приехали к восьми. Первым зашел Игорь. Тося накинулась на него с объятиями. Парень ответил ей поцелуем, не смущаясь нас. Пройдя в квартиру, он достал из рюкзака две баклажки пива. Следом зашел Тимур вместе со своей девушкой.

– Лёля, познакомься, это Ася и Ника, – представила нас Тося.

Худощавая блондинка выглядела болезненно бледной. Ее лицо, с проколотыми бровями, носом, щеками и нижней губой, казалось очень усталым. Но меня зацепило другое. На ней была клетчатая рубашка Тимура, та самая, в которой я увидела его в нашу первую встречу. Лёля похожа на эмочек с аватарок Вконтакте. Она красивая.

Белая свободная рубашка, джинсовые шорты, распущенные волосы и стрелки. Мой арсенал красоты был ничтожно пуст. Я понятия не имею, как одеваются неформалы. А самое глав-

ное, не знаю, действительно ли такие девушки нравятся Тимуру? И если да, то почему он поехал со мной навестить старый дом? Зачем слушал мои истории?

– Привет!

Прямо передо мной стоял солист. Я смотрела в его холодные голубые глаза, которые теперь совершенно сбивали меня с толку своей напускной нежностью. Может, мне всё это кажется?

– Привет.

Тимур прошел дальше. Ника одернула меня.

– Поговори с ним сегодня.

– Да о чем?

– О чем угодно, – как-то раздраженно сказала подруга, – не робей, – мягко добавила она.

Надо признаться, что это был первый раз, когда я попробовала алкоголь. Вкус был странным, горьким. Голова кружилась. В какой-то момент я заметила, что Тимур смотрит на меня. Голоса сливались с музыкой. Вдруг он подошел ко мне и забрал бокал. А потом выпил его залпом.

– О-о-о! Вот это да! Дружище, а где тост?

– Когда-нибудь я буду ехать автостопом в чужой тачке. Водила включит музыку, и это будут «The wanderers». «Эти ребята умеют делать стоунер», – скажет он. И вот тогда... Я почувствую успех. За успех!

Все радостно заготовали, чокаясь фужерами и гранеными стаканами. Все, кроме меня, потому что солист так и не вернул мой «пивной кубок».

– Ась, дай Тимуру гитару, пусть настроит, пока у нас перекур, – громко сказала Тося, захлопывая за собой входную дверь. Вся компания вышла в подъезд, и только мы с музыкантом остались в квартире.

Я зашла на кухню. Тимур сидел на стуле, уже держа в одной руке мою гитару. Во второй были кусачки. Он обрезал длинные «усы» у колков. Те самые, о которые я «расцарапала» запястья.

– Я подумал, так будет удобнее играть.

– Ага.

Мне стало стыдно за ту «выдуманную» историю. Зачем только я ему рассказала?

– Так ты поедешь со мной завтра на «птичку»? – Тимур посмотрел на меня.

– А Лёля не будет против?

– С чего бы?

– Разве она не твоя девушка?

– Нет, – он быстро отвел взгляд, – Лёля не моя... в этом смысле.

– Ну, тогда, думаю, проблем не будет. Поедем вместе.

Солист снова обвел меня взглядом и улыбнулся.

– Скажи, тебе нравится вечер?

– Если честно... Не уверена.

– Тогда давай сбежим отсюда?

В глазах Тимура загорелись искорки, как это было в наш первый ночной побег от городской суеты, шумного бара и музыки. Кажется, что в эту секунду я была готова сбежать с ним куда угодно. Какой нелепый способ потерять голову, Ася! Но тебе ведь всего семнадцать. Будет ли это иметь значение через 10 лет?

Глава 3. Сатори

«Я не могу и не хочу предавать свои мечты ради этого странного чувства», – такими были мои мысли о Тимуре. Сейчас, когда я шла за солистом по темным подворотням, крепко держа его руку, трепет сердца заглушал доводы рассудка. Убегая с Тимом, предаю ли я наши с Никой планы на будущее?

До сих пор не понимаю, почему она первая предложила мне написать ему. Есть люди, которые ненавидят изюм или, например, пиццу с ананасами. Ника спокойно относилась ко всему, кроме музыкантов и Франции. Сложно представить, как эти два элемента могут быть связаны между собой, но в жизни моей подруги они сыграли роковую роль. Именно поэтому я задавалась вопросом, как Тимур, будучи одним из красных флагов Ники, получил её снисходительное одобрение на роль моего возлюбленного? Сейчас, вспоминая ту историю, я понимаю, как сильно моя названная сестра изменилась за два года. Это был чертовски сложный период для всех нас.

Мы с Никой учились в параллельных классах. Она была одной из тех девочек, которые почти никогда не красились, но нравились абсолютно всем. Мальчики влюблялись в её смех и доброту. Девочки обожали её за ум. Ника всегда знала, что сказать, могла дать ценный совет и выслушать. Но самое главное качество, за которое её боготворили – она никогда не плакала.

После окончания учебного года класс Ники поехал во Францию. Учитель географии Тамара Васильевна знала кого-то в турагентстве и организовала путешествие со скидкой. Конечно, не каждому в школе эта сумма была по карману. Родители Ники, будучи обеспеченными людьми, согласились оплатить половину от общей стоимости тура. Любовь одноклассников к щедрой французской чете и их дочери, кажется, взлетела до небес.

Сыграло здесь и происхождение подруги. Николь – редкое имя для провинциального городка в России. Однако отцу девочки оно напоминало о родине. Папа Ники родился и вырос во Франции. Он познакомился с её матерью по переписке, увидев объявление о поиске *pen-friend*¹² в одном из журналов. В 90-е это было очень модно. Кто бы мог подумать, что их истории позавидует Шекспир. Бросить Прованс и Лазурный берег ради степей и резкого климата – безумная идея, которая может прийти в голову только влюбленному. Француз уговаривал свою сердечную подругу переехать, но *belle*¹³ была неприступна. «*J'aime ma ville, j'aime le russe! Je t'aime, mais mon cœur appartient à ces steppes chaudes*»¹⁴. Читая эти строки, Пьер принял единственно верное для себя решение – умчаться на край света за своей *chérie*¹⁵. Сменив имя на Петр, он просил руки милой Екатерины.

Через год их скромная квартира услышала плач новорожденной. Имя Николь в переводе с французского означало «победа народа». Однако для матери оно было созвучно с той, кому поклонялись древние эллины. Почему же не Виктория? Быть «победой» и носить имя «богини победы» абсолютно разные вещи. Аналогично чувству триумфа и знанию, как заполучить его.

Узнав о поездке, Петр был очень рад, ведь его дочурка сможет увидеть место, откуда он родом. Освоившись в России 15 лет назад, француз стал вести бизнес. Дела пошли в гору. Всё было настолько прекрасно, что вопрос с частичной оплатой путешествия для всего класса Ники был само собой разумеющимся.

¹² Pen-friend (с англ.) – Друг по переписке.

¹³ Belle (с фр.) – красавица.

¹⁴ «*J'aime ma ville, j'aime le russe! Je t'aime, mais mon cœur appartient à ces steppes chaudes*» (с фр.) – «Я люблю свой город, я люблю русский язык! Я люблю тебя, но мое сердце принадлежит этим жарким степям».

¹⁵ Chérie (с фр.) – возлюбленная.

Это лето много значило и для самой девушки, ведь она проведет две недели со своим парнем Кириллом. Они сидели за одной партой с первого класса. В восьмом Ника призналась ему в своих чувствах, но получила холодный отказ и предложение остаться друзьями. А в девятом Кирилл разглядел в ней нечто большее, чем боевую подругу. Может быть, причиной тому послужили изменения, которые произошли с Никой: она стала женственнее, талия выделилась сильнее за счет форм «песочных часов», длинные волосы больше не были забраны в хвост, а струились нежными каштановыми локонами по покатым плечам.

Поездка начиналась хорошо. Ника увидела Эйфелеву башню, нашла свой любимый аромат «Emilie» с цитрусовыми нотками на старейшей фабрике изготовления парфюма «Fragonard» и впервые искупалась в Средиземном море. Вместе с классом они задержались в Ницце на три дня. Именно в этот период всё случилось.

Подруга никогда не рассказывала подробности. Вкратце: Кирилл хотел близости, а она нет. Из этой ситуации было два выхода: расстаться, потому что он больше не мог ждать, или смириться и убедить себя, что это правильно. Парень дал ей пару часов, чтобы всё обдумать. Вечером Ника должна была прийти в его номер, пока другие ребята собирались этажом выше у их одноклассника. Прийти, чтобы потерять девственность. Слово «потеря» откликлось Нике. В тот день она задумалась, почему любит Кирилла.

Он был высоким зеленоглазым блондином. Играл на гитаре в собственной группе. Увлекался шахматами. Да, шахматы! Впервые Ника обратила на него внимание именно во время школьного шахматного турнира. У Кирилла была особенность: после победы над соперником он пожимал его руку и говорил: «Прости, что разбил тебя в этой игре». Никто никогда не извинялся за победу, поэтому Ника считала это очень благородным поступком. Благородство. Именно это качество ей нравилось в нем больше всего. У парня было и особое чувство юмора. Кирилл – единственный из класса, кто подшучивал над ней. Однажды он сказал Нике: «Ты как „Жигули“. Конечно, я смотрю на других девушек, ведь они типа „Феррари“. Но Жигули-то родное. Так что не парься, я тебе верен». Да, Кирилл был верным. Значит, она могла доверять ему.

Обдумав всё это, Николь решила и пришла в номер парня в тот злополучный день. Однако ничего не случилось. Стоило Кириллу подойти чуть ближе и приобнять подругу, девушка его оттолкнула. Из-за отказа они очень сильно поссорились. Кирилл выставил ее прочь, обозвав фригидной богачкой, с которой все дружат только из-за денег. Он пообещал, что очень скоро она пожалеет о своем решении, но будет поздно что-либо исправить. Ника рассказывала, что просидела до утра в душевой кабинке своего номера. Ей совсем не хотелось выходить из ванной комнаты. Теплые струи воды будто бы уносили с ее тела это странное, пока еще не до конца понятное событие. Ника любила Кирилла. Но близость, которая должна была произойти между ними, отдалила бы её от самой себя.

На следующее утро класс уезжал на экскурсию. В автобусе было подозрительно тихо, когда Ника туда зашла. Ей показалось, что все смотрят на неё. Она успокоила себя тем, что плохо спала прошлой ночью, поэтому внутри так тревожно. Худшие опасения подтвердились, когда Ника случайно задела соседку рукой, а в ответ услышала презренное шипение: «Не трогай меня, французская подстилка!».

Сразу после того, как Ника ушла, Кирилл рассказал свою версию той ночи друзьям из класса. Он настолько приукрасил историю, что каждый решил: девушка уже имела богатый опыт. Утром весь автобус перешептывался, выдвигая новые, более изощренные предположения. Мужская половина класса заключила, что обманщица не прошла проверку и Кириллу нужна честная девушка. Женская, напротив, увидев неподдельный интерес к Нике, то, с каким жаром мальчишки обсуждают её тело и способности, возненавидела бедняжку. Да, это история про клевету, ведьму и крестьян с факелами. Ника и представить не могла, что когда-нибудь окажется в главной роли.

В родной город 9 «Б» вернулся 30 августа. Это означало, что у Ники не было возможности оклематься и как следует обдумать произошедшее. Она не любила, когда ситуация не оставляла ей времени для маневра. Уже 2 сентября Николь переступала порог родной школы в статусе «французской подстилки». Так её окрестили те, кто еще недавно носил на руках. Логично, что обрадовать своих злопыхателей появлением на торжественной линейке она не планировала.

Собираясь в школу, Ника вспоминала последний вечер в отеле Ниццы. Она пришла к Кириллу, чтобы обо всем поговорить. Парень открыл дверь номера. За его спиной стояли одноклассники.

– Че такое?

– Ты разбил мне сердце! Понимаешь?! – в слезах прокричала Ника.

– Ой-ё. Погодь, – равнодушно ответил Кирилл и полез в карман шорт. – Десять евро, хватит? Прости, что я тебе что-то там разбил.

Улыбаясь, парень протянул руку. Между пальцами были зажаты деньги. Слезы продолжали беззвучно катиться по щекам девушки. Она не могла вымолвить ни слова. Развернувшись, Ника пошла к лестнице, как вдруг кто-то из мальчишек схватил купюру и, скомкав, бросил ей в спину.

– Бери, пока дают, дрянь! Хорошо он тебя оценил!

– Ты чё, дебил? Меня за эту десятку мама убьет! – возмутился Кирилл.

– Да ладно тебе, за веселую ночь не жалко!

Компания разразилась в неприятном гоготе и захлопнула дверь. Ника обернулась. На полу валялся розовый комок. Глядя на него, девушка вспомнила, как Кирилл пожимал руки своим проигравшим соперникам. «Прости, что я разбил тебя в этой игре». Осознание поразило её, словно молния. Он никогда не вел себя благородно с другими. Это извинение было пропитано гордыней. Своим «прости» Кирилл втоптывал в грязь тех, кто и так был повержен.

В ту ночь её соседка решила переночевать у подруги. Ника осталась одна в номере. Она листала каналы, как вдруг наткнулась на первую часть «Убить Билла».

Свет в комнате был выключен. С экрана плазмы на Нику смотрела окровавленная Ума Турман. За кадром шла речь Билла на английском. Девушка не могла разобрать слов, потому что в школе выбор пал на изучение родного языка её отца. Однако переводе диалога мерзавца не было необходимости. Чем больше она всматривалась в Беатрикс Киддо, тем сильнее чувствовала, что это не Ума, а Ника лежит на полу старой церкви в крови, растерзанная и опустошенная. Выстрел. Те десять евро были последней пулей, которую Кирилл хладнокровно всадил в её разбитое сердце.

Эта поездка многое изменила в жизни русской француженки. Но Тарантино подарил ей надежду.

2 сентября. В этот день Николь забрала свои роскошные локоны в скромный хвост. Она надела мешковатую серую толстовку и широкие джинсы. Ника не знала, что ей делать, поэтому оставалось только наблюдать. «Le monde est un grand puzzle. Laissez-le parler à votre cœur et vous trouverez les bonnes pièces pour assembler votre propre image»¹⁶, – говорил отец девушки. Она собиралась последовать его совету.

Утро началось заурядно. Ника пришла раньше всех. От волнения в горле пересохло, поэтому она решила утолить жажду у питьевого фонтанчика рядом с кабинетом директора.

– Ужас! Десятый класс без мальчиков! Когда такое было? Почти все уйдут в колледж.

¹⁶ «Le monde est un grand puzzle. Laissez-le parler à votre cœur et vous trouverez les bonnes pièces pour assembler votre propre image» (с фр.) – «Мир – это большой пазл. Позволь ему говорить с твоим сердцем, и ты найдешь нужные части, чтобы собрать свою собственную картину».

– Весной Мячов приезжает в город! Здесь так написано. Посмотрите, это он на обложке! В 43-й школе проведет встречу с ребятами. Глава района точно к ним заглянет. Будь у нас спортсмены, эта «звезда футбола» приземлилась бы в наши ворота. Вместе с главой.

– Татьяна Петровна, вы мне с этой 43-й школой уже знаете где! Что я сделаю-то?

– Надо мероприятие организовать. Может, и ребята передумают в колледж уходить, если такие звезды будут нас посещать.

– Ой, хватит вам. Пойдемте. Звонок сейчас будет.

Первым уроком была химия. К удивлению Ники, никто особо не восторжен был, когда она появилась на пороге кабинета. Лишь несколько одноклассниц одарили её взглядом, полным пренебрежения и брезгливости. Кирилл окружала шумная компания. Они весело смеялись. Раньше Ника сидела вместе со своим парнем. Но сейчас всё изменилось. Она прошла к последней парте. Девушка случайно поймала взгляд Кирилла. Он смотрел на неё так, будто ничего не произошло.

– Доброе утро! Прежде чем начать урок, хочу сделать важное объявление. В декабре у нас будет региональный этап Всероссийской олимпиады по химии. Кирилл, я в тебе абсолютно уверена, и будь это мое желание, мы бы только тебя отправили защищать интересы школы. Согласно новым правилам, нам нужно направить двух учеников. Поэтому в конце ноября мы проведем контрольную, чтобы выбрать твоего напарника, так сказать, Санчо Панса! Конечно, среди ребят никто не составит тебе конкуренцию. Может быть, за эти три месяца вы хотя бы немного приблизитесь к уровню вашего гениального одноклассника!

После первого урока Ника пошла в столовую. Благодаря фильмам «Дрянные девчонки» и «10 причин моей ненависти» она прекрасно знала, что это худшая локация для неё. Но ей не хватало нескольких пазлов, а значит, нужно продолжать наблюдать. Спрятаться было нельзя.

В коридоре главный хулиган школы Паша вместе со своей бандой из 9 «А» кидали друг другу рюкзаки. В середине этого круга бегал кудрявый парень, которого Ника раньше не видела.

– Эй, соплежуй! Беги сюда!

– Отдай!

– А то что? Соплями залъешь?

– Отдай, говорю!

Рюкзак оказался в руках зачинщика. Паша со всей силы кинул его в загнанного мальчишку.

– Еще раз увижу, что ты в школе свою девчачью книжку читаешь, по-другому отвечать будешь. Свалил отсюда! Быстро. Соплежуй.

Паша смачно сплюнул на разбросанные по полу тетради. Компания ушла. Ника подошла к парню, чтобы помочь. Она подняла книгу. Обложка гласила: «Стефани Майер. Сумерки».

– Это, кажется, твое.

– Спасибо, – буркнул незнакомец и, быстро спрятав книгу в портфель, направился в сторону выхода.

Такая грубость могла бы задеть Нику в прошлом. Но сейчас она его понимала. Эта сцена была воплощением её самого главного страха. Нет, не в момент самой потасовки. А сейчас, когда девушка вышла из роли безучастного свидетеля. Что произойдет, если когда-нибудь кто-то увидит слабость Ники?

Обед прошел в одиночестве. Следующие уроки были ничем не примечательны. Ника полностью погрузилась в свои мысли о тех пазлах, которые ей удалось собрать. На полях тетради она записала: «Олимпиада по химии – 1 декабря. Контрольная – 30 ноября. Стефани Майер „Сумерки“. 10 класс – мало мальчиков». Эта головоломка не из легких. Чего-то не хватало для полной картины. Однако контуры уже вырисовывались.

Домой девушка решила пойти через черный ход в спортзале. Приближаться к главному Ника не хотела. Она знала, что на ступеньках будет Кирилл с их общими одноклассниками.

Путь был открыт. В углу компания девчонок из её класса разминалась перед факультативом по волейболу. Вдруг в спину Ники прилетел мяч.

– Эй, подстилка! Тебе не стыдно появляться в школе?

Ситуация накалялась. Девочки направились в сторону Николь. Таня, Алина и Алёна. Три бестии из 9 «Б» хотели с ней «разобраться».

Неожиданно «пластикс» атаковал баскетбольный мяч. Да, мы с Тосей вовремя заметили начало потасовки.

– Отошли быстро. Или мне рассказать физруку, как вы строчите в туалете освобождения от «мамы»? – вступилась Тося.

– Дрянь! Мы с тобой ещё поговорим, – огрызнулась Алёна.

– Так давай, говори. Только из нас двоих Иван Семенович поверит мне. А ты останешься на второй год. За двойку по физре, – рассмеялась Тося.

Трио ушли через черный ход. Мы подбежали к Нике.

– Чего они до тебя докопались?

– Я отказалась переспать со своим парнем-одноклассником в летней поездке во Францию. Он рассказал всем другую версию события. Поэтому теперь меня называют «французской подстилкой».

То, с каким каменным лицом Ника пересказала ситуацию, было для нас странно. Мы не догадывались, что она сдерживалась из последних сил. Не каждый сможет сказать всё как есть незнакомцам, которые увидели твою слабость.

– Родители знают?

– Ась, какие родители! Конечно, она не сказала. Правильно, что ты рассталась с этим придурком Кириллом! Забудь о нем. Пойдем лучше с нами гулять? Развеешься, — выпалила Тося.

– Хорошо. Меня Ника зовут.

– Я Таисия, но можно Тося. А она Василиса. Но просит называть её Ася. Стесняется быть Васей.

– Спасибо, девочки. Я только в туалет схожу и вернусь.

– Мы тебя здесь подождем.

Ника вышла из спортзала. Её шаг ускорился, но было поздно. Слёзы предательски потекли одна за другой, а из горла вырвался первый громкий всхлип. Девушка больше не могла сдерживаться. Всё это время она не плакала. Хорошо, что в школьном коридоре уже никого не было. Вдруг из-за поворота появился фанат «Сумерек». Он шел на встречу Нике. Бежать было некуда, но сознание отказывалось принять столь постыдное поражение. Резко Николь повернула в сторону «зеленого уголка» и сделала вид, будто рассматривает цветы. Она стояла спиной к незнакомцу, однако картина от этого становилась еще более нелепой. Ника рыдала навзрыд, глядя листья монстеры. Девушка молилась, чтобы он прошел мимо и не узнал её.

– Что случилось?

Парень подошел совсем близко и дотронулся до ее плеча. Ника повернулась к нему. Она продолжала плакать.

– Слушай, у меня вода есть. И платок... чистый, – неловко добавил новый знакомый. Он достал из рюкзака аккуратно сложенный зеленый носовой платок, бутылку воды и передал всё это Нике. – меня, кстати, Андрей зовут. А тебя?

– Ника, – ответила девушка, сделав пару глотков.

– Школа у вас, конечно, disaster.

– Что?

– Ну, «катастрофа» в смысле. А ты немецкий учишь?

– Французский.

– Ого! Круто.

– Но я бы хотела выучить английский.

– Так приходи в наш Книжный клуб! – с неподдельной радостью сказал Андрей. – Мы с ребятами собираемся в библиотеке по средам и четвергам. Читаем бестселлеры в оригинале. Сейчас, например, Стефани Майер «Сумерки». Это сага о вампирах. Знаешь, там очень интересный сюжет.

– Спасибо за приглашение. Я приду.

– Супер! Ну, мне пора. Don't be lost, babygirl!¹⁷ – Андрей зачем-то снова продемонстрировал свои знания английского.

Возвращаясь в спортзал, Ника обдумывала эту странную встречу. Почему именно Андрей оказался в коридоре? Она видела, что он ушел сразу после потасовки с Пашей. Что за насмешка судьбы? С другой стороны, Ника была ему благодарна. И хоть она не поняла последнюю фразу парня, вряд ли это значило что-то плохое.

– Почему у тебя такое красное лицо? – заметила Тося.

– Сейчас всё нормально. Можем идти.

– Ты расстроилась из-за нападок девочек? Если ты плохо себя чувствуешь, давай завтра погуляем. А хотите, пойдём ко мне, попьём чай, обсудим школу, – предложила я.

Ника согласилась. Для неё было достаточно событий.

За чаем мы проболтали обо всем на свете. Казалось, будто Ника всегда была нашей третьей подругой.

– Тось, а почему физрук тебе верит? Ты так уверенно пригрозила Алёне.

– Я возглавляю комитет по спорту. Ася – главред школьной газеты «Искра».

– В школе есть комитеты?

– Ага. Только вот президента никак не выберем. Директриса на линейке сказала, что в десятом классе он должен быть обязательно. Возьмут ученика, который сможет отличиться своими заслугами.

– Такая свобода будет! Все хулиганы уйдут, нас объединят в один класс. Здорово! – добавила я, радуясь тому, что мы будем ходить на уроки вместе с новой подругой.

– Ась, не обольщайся! Алёна с Таней и Алиной спишут все и тоже перейдут в десятый класс. А Кирилл... Мальчиков и так у нас три человека будет, поэтому его с любыми результатами возьмут.

В этот момент пазлы Ники сложились.

– Девочки, а кто из вас хорошо знает химию?

– Это к Асе. У неё одни пятерки.

– Поможешь мне подготовиться к олимпиаде?

– Конечно! Но ты уверена, что хочешь поехать туда с Кириллом, – ответила я, беспокоясь за Нику.

– Уверена, – твердо сказала Николь.

Теперь она знала, что нужно делать.

Следующие месяцы Ника посвятила себя точным наукам и английской литературе. После уроков мы оставались с ней в библиотеке на несколько часов. Не трудно было заметить, что она совершенно не испытывает радости от этих занятий. Будучи репетитором подруги, я чувствовала себя палачом. По средам и четвергам она приходила в кафе на собрания книжного клуба Андрея. Мы с Тосей не видели особого энтузиазма и в этом новом увлечении. История любви двух вампиров была далека от литературных предпочтений Ники. Но она читала этот бестселлер с той же скрупулёзностью, что изучала учебник по химии. Ника не знала английского, поэтому её верными спутниками в постижении загадочных обитателей Форкса были словарь и новенький. Тося за глаза называла Андрея «приемным Калленым». Она ждала момента,

¹⁷ Don't be lost, babygirl! (с англ.) – Не теряйся, детка!

когда Ника, словно в сериале, забудет про своего бывшего и упадет в сумеречные объятия книголюба. Но для самой Николь эту подростковую драму режиссировал Квентин, а не Кэтрин¹⁸. Поэтому смысл всех этих страданий был только в мести.

– Тебе не кажется, что Ника скисла?

Мы с Тосей ждали окончания пятого урока рядом с кабинетом химии. Сегодня был важный день – Ника писала контрольную, после которой будет избран Санчо Пансо Кирилла для участия в олимпиаде.

Вопрос Тоси заставил меня задуматься. Что, если я оказала Нике медвежью услугу? Она тратит свое время на вещи, которые ей абсолютно не интересны. И ради кого? Человека, который ее предал? Бывший Ники, Кирилл, кажется, выдохнул, когда она пропала с радаров.

– Она в последнее время замоталась. Ника напоминает мне бабочку. Точнее гусеницу в коконе. Может, просто еще не пришло время для...

– Вылупления?

– Можно и так сказать.

– Такая ты романтичная, Аська. По делу что думаешь?

– Думаю, всё это не поможет ей вернуть Кирилла.

– Ушла бы к приемному Каллену, вместе бы читали то, что нравится. Она могла бы и нас хоть раз позвать. Мы же подруги! Если Андрей такой симпатный, то и друзья у него должны быть не зачуханные ботаны.

– Тось!

– Что? Она такая скрытная. Мне это не нравится.

Прозвенел звонок. Ника вышла из класса в числе последних.

– Как прошло? – с нетерпением спросила Тося.

– Думаю, всё в порядке. Спасибо, девочки!

– Раз так, пошлите гулять. Посидим в «Токио».

– Давайте!

«Токио» – местное кафе, где был дешевый фастфуд и суши. Мы решили скинуться и взять три молочных коктейля, а еще по хот-догу. Карманных денег на это как раз хватало.

Дорога от школы до заветного места заняла минут двадцать на маршрутке. Днем здесь было еще не слишкомлюдно. Наша компания устроилась на диванчике рядом с окном. «Токио» был довольно приятным по атмосфере. Бамбуковые шторы с иероглифами, бумажные зеленые фонарики, свисающие с потолка, и красные веера на белой стене. В нашем районе это одно из немногих заведений, наполненное какими-либо атрибутами эстетики.

Комично было видеть на противоположной стене фотообои с ночным видом небоскребов японской столицы и гирлянду из искусственных цветов сакуры, которая оплетала карниз для штор. В меню суши и роллы соседствовали с курочкой гриль, хот-догами, гамбургерами, беляшами и салатами. Это возвращало нас в реальность.

– Не понимаю, зачем тебе эта олимпиада по химии? Ты не похожа на зубрилу, – Тося не унималась, даже когда нам принесли заказ.

– Я хочу испытать сатори, – невозмутимо ответила Ника.

– Че? – пережевывая хот-дог, уточнила подруга.

Ника покрутила в руках красную трубочку для коктейля.

– Познать свою природу. Испытать просветление.

– Вот это вас химичка дрючит. И как ты испытаешь это просветление? Займешь первое место на олимпиаде? Ник, по-моему, все известные химики просветлялись по-другому.

– Нет. Я хочу понять, насколько случившееся меня изменило. Если выиграю олимпиаду, мы с Кириллом поменяемся местами. Он будет чувствовать себя проигравшим, а я – победи-

¹⁸ Отсылка к режиссерам фильмов «Убить Билла» и «Сумерки» – Квентину Тарантино и Кэтрин Хардвик.

телем. Захочется ли мне унижить его так же, как он унижил меня? Это и есть сатори. Понимание своей природы. Бывает так, что те, кого обижали, становятся обидчиками. Они начинают получать удовольствие от того, что после всех унижений сами способны причинять боль. Вдруг я тоже стала таким человеком?

– Не уверена, что ты правильно понимаешь учение дзэн-буддизма, – мой голос звучал так, словно я извинялась за свое нелепое замечание.

– Ася, для того чтобы делать, уверенность в правильности не нужна. Важно только действие, – холодно ответила Ника.

Она была погружена в собственные мысли. Мы с Тосей чувствовали, что сейчас не лучшее время обо всем расспрашивать. В «Токио» наша компания отмечала маленькую победу подруги, несмотря на то, что в воздухе витала тяжесть из-за недосказанности и осознания предстоящих событий. Мы отправляли Нику на испытание, которое она не имела права проиграть.

В день олимпиады Кирилл заметно нервничал. А Николь, напротив, будто бы начала набираться сил.

Двое влюбленных в прошлом – враги в настоящем. Они ехали молча в маршрутке до гимназии, где проходил конкурс. Тишина сопровождала подростков до кабинета. Кирилл и Ника ни разу не переглянулись, когда учитель раздал задания. Подруга вышла последней из класса. Она демонстративно прошла мимо бывшего. Так Ника дала понять: Санчо Пансо и девушка, которая его искренне любит – испепеленные ипостаси, не имеющие больше с ней ничего общего.

Что-то навсегда изменилось в Нике. И ей это нравилось. Первая часть плана позади. Она успешно справилась. По дороге домой Николь решила заглянуть в кофейню, где собирался книжный клуб Андрея.

– Welcome my dear!¹⁹ А я думал, ты сегодня полностью отдашься точным наукам, – с этими словами Андрей обнял Нику.

Дружеский жест был привычным для парня и абсолютно странным для девушки. Это было их пятое объятие по количеству собраний книжного клуба. Ника не пропустила ни одной встречи.

Ей нравились маленькие лампочки разноцветных гирлянд, которые украшали вход в это спокойное место. Внутри было всего четыре стеклянных столика. У стен молочного цвета стояли большие книжные шкафы из темного дерева. В преддверии Нового года они были украшены праздничными венками с омелой и золотыми колокольчиками. Посетители сидели в мягких зеленых креслах, на спинках которых были клетчатые пледы. Это была единственная кофейня в нашем районе. Напитки стоили дорого, поэтому не каждый мог себе позволить вечер в столь изысканном заведении.

– В апреле в нашей школе будет большой фестиваль, посвященный «Сумеркам». Может быть, ты пригласишь ребят?

– Ого! Фестиваль по «Сумеркам»? У вас школа с уклоном крутости? А что там будет?

– Там..., – Ника задумчиво провела взглядом по антуражу. На глаза ей попала винтажная книга с бейсболистом на обложке, которая стояла в книжном шкафу, – Соревнование по бейсболу. Еще покажут первую и вторую часть в зале с проектором. А потом будет вампирский бал, – выпалила девушка.

– Вампирский бал? Интересно... Не знал, что в вашей школе еще и в бейсбол играют. Столько активностей. Директриса нашей гимназии даже фильм не разрешила бы посмотреть. А кто организатор?

¹⁹ Welcome my dear! (с англ.) – Добро пожаловать, моя дорогая!

– Я... Вместе с моими подругами, – Ника облегченно выдохнула, понимая, что справиться с ложью ей придется не одной. Приятно осознавать, что рядом есть надежные плечи редактора стенгазеты и главной по спорту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.